

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белорусская литература

Отображение темы Великой Отечественной войны в произведениях белорусских писателей.

О возможности новой войны и необходимости защищать социалистические завоевания белорусские писатели говорили в 1920–30-е гг.: Я. Купала (1882–1942) в стихотворениях «А ў Вісле плавае тапелец...», «Піянерскае», «Чырвонай Арміі паходы», Я. Колас (1882–1956) в поэме «На шляхах волі», К. Чорный (1900–1944) в пьесе «Ірынка», Э. Самуйлёнок (1907–1939) в повести «Тэорыя Каленбрун» и рассказе «Герой нацыі», А. Кулешов (1914–1978) в поэмах «Баранаў Васіль», «Хлопцы апошняй вайны» и др.

Ещё в 1935 г. Я. Купала высказал пророческие слова: «...страшная чёрная банда захватила власть в центре Европы. Если своевременно не преградить ей дорогу, если не остановить этот разбой средь бела дня — будет кровь и огонь... Реки крови и огня!» (Такі ён быў. Мінск, 1975. С. 258).

С первых дней Великой Отечественной войны белорусские писатели выражали в своих произведениях массовое сознание советских людей, вступивших в борьбу с фашизмом, и верили в победу над врагом. В газетах «Звязда» и «Советская Белоруссия» 23 июня 1941 г. было опубликовано стихотворение Я. Коласа «Шалёнага пса — на ланцуг!». На следующий день это стихотворение (на белорусском языке) разместила и газета «Правда». Общими были чувства и мысли, общими были и слова, выражавшие их. «Не будзе беларус рабом нямецкіх баронаў», «Жыла і жыць будзе беларуская зямля!» — так назывались публицистические статьи Я. Купалы и К. Чорного, напечатанные в начальный период войны. Не случайно совпадение и названий стихотворений М. Танка (1912–1995) и П. Глебки (1905–1969) — «Мы вернемся!».

Писатели Советской Беларуси заняли свои боевые места в строю борцов против фашизма. В начале войны почти все они пошли на фронт. Одни из них служили в армейской печати [в газете «Знамя Советов» на Калининском фронте А. Кулешов, газете «За Родину» на Западном и 2-м Белорусском фронтах К. Киреенко (1918–1988)], другие [К. Чорный, П. Бровка (1905–1980), К. Крапива (1896–1991), М. Лыньков (1899–1975), П. Панченко (1917–1995), М. Танк, А. Астрейко (1911–1978), А. Белевич (1914–1978), В. Витка (1911–1996), И. Гурский (1899–1972), М. Лужанин (1909–2001), М. Машара (1902–1976) и др.] работали и печатали свои произведения в белорусских изданиях [«Советская Беларусь»](#) (издавалась Политуправлением Западного фронта), [«За Советскую Беларусь»](#), [«За свободную Беларусь»](#), [«Звязда»](#) (орган ЦК КП(б)Б и Минского подпольного обкома КП(б)Б), [«Раздавім фашысцкую гадзіну»](#), [«Партызанская дубінка»](#). На оккупированной территории Беларуси выпускались

подпольные газеты (см. [Печать подпольная](#)), рукописные журналы, боевые листки, в которых принимали участие писатели Я. Брыль (1917–2006), М. Василёк (1905–1960), Я. Зазека (1907–1977), М. Засим (1908–1957), А. Иверс (1912–1979), В. Левданский (1911–1973), С. Майхрович (1908–1981), М. Пенкрат (1918–2001), П. Сушко (1909–1909), В. Тавлай (1919–1997) и др.

В борьбе с врагом погибли З. Астапенко (1910–1944), Л. Гаврилов (1918–1941), А. Гейне (1919–1942), А. Дубрович (1910–1942), А. Жаврук (1910–1942), Р. Железняк (1914–1942), А. Коршак (1920–1945), С. Кривец (1909–1945), А. Милютъ (1908–1944), А. Прудников (1910–1941), В. Рагуцкий (1910–1941), М. Семашко (1914–1941), Р. Сунида (Лыньков; 1909–1941), М. Сурначёв (1917–1941), А. Ушаков (1912–1941), Ф. Шинклер (1903–1942).

В годы Великой Отечественной войны литература опровергла старое крылатое выражение: «Когда гремят пушки, музы молчат». Слово писателя стало одним из видов боевого оружия, его перо было приравнено к штыку. Никогда ещё не была такой короткой временная дистанция между событиями и их образным отражением в публицистической статье, очерке, стихотворении, рассказе. Общее слилось с личным в единое целое и становилось источником вдохновения наряду с интимными переживаниями. Причина этого уникального в истории литературы творческого рвения в том, что пришла пора, по словам К. Чорного, «самого важного, действительно теперь единственного, от чего зависит всё другое. Это — железная необходимость стереть с лица земли лютого кровавого зверя» (Збор твораў: у 8 тамах. Мінск, 1975. Т. 8. С. 408).

Прежде всего на грозные события откликнулись в своих **очерках и публицистических статьях** Я. Купала, Я. Колас, К. Чорный, М. Лыньков, А. Кулешов, П. Бровка, М. Танк, П. Панченко. Это были военные корреспонденции и газетные очерки, развёрнутые обобщающие статьи и сатирические жанры, литературные портреты героев войны и листовки. Именно публицистика первой отразила героизм советских людей на фронте и в тылу врага, восстановила картину невзгод, страданий и больших жертв народа. В ней в полный рост возникал образ белорусского народа — преемника лучших национальных и революционных традиций, потомка и творца всех материальных и культурных ценностей своей земли. Публицистика стала не только способом накопления материала для будущих произведений крупного жанра, но и своеобразной творческой лабораторией, в которой испытывались многие художественные идеи писателей. Один и тот же жизненный материал лёг в основу купаловских статей «Народ — мсціўца» і «Аб народнай вайне» и его известного стихотворения-прокламации «Беларускім партызанам». У К. Чорного почти совпадают очерк «Народная нянавіць» и рассказ «Маленькая жанчына».

По характеру образного и стиливого отображения ближе всего к публицистике была **агитационная поэзия** начального периода войны. Преимущественно это были стихотворения-призывы («Не шкадуйце, хлопцы, пораху...» М. Танка, «Смялей у бой!»

П. Глебки, «Мы пойдзем за праўду» А. Белевича), в которых в поэтической форме передавались патриотические чувства и мысли народных масс. Они нередко были плакатно-риторическими, но, несомненно, соответствовали критической ситуации начала войны. Много общего со стихотворениями-призывами было у массовой партизанской поэзии.

Одновременно со стихотворениями, призывавшими народ на борьбу и укреплявшими его веру в победу («Зноў будзем шчасце мець і волю» Я. Купалы, «Народу-барацьбіту», «Душою і сэрцам мы з вамі, героі» Я. Коласа, «Беларусь» М. Танка, «Наказ на дарогу» П. Глебки), создавались стихотворения, в которых высказывалось лично увиденное и пережитое («Голас дарог» П. Глебки, «На мінскай шашы» А. Кулешова, «Смерць героя» П. Бровки). Образ Беларуси в этих стихотворениях конкретизируется и наполняется глубоким историческим смыслом: родные пейзажи и картины прошлого, ужасное зрелище военного опустошения, размышления о судьбе Родины, её народа и языка. У Я. Купалы и Я. Коласа это обобщённый поэтический образ малой и большой Родины, к которому они обращаются непосредственно как к человеку («Паўстаў народ» Я. Купалы, «Мая зямля», «Чымган», «Вясною» Я. Коласа). П. Бровку привлекают героические характеры белорусов («Кастусь Каліноўскі», «Надзя-Надзейка»).

Героическое, оптимистическое начало в стихотворениях и балладах А. Кулешова сочетается с трагическими размышлениями о потерях («Камсамольскі білет», «Балада аб чатырох заложніках», «Над брацкай магілай», «Ліст з палону»). Простота и мужество — отличительные черты «военной» музыки П. Глебки («Пасылка», «Партизаны», «Родны хлеб»). Богатый душевный мир героя раскрывается в стихотворениях М. Танка («Беларусь», «Родная мова», «Мы ў свой горад прыйшлі», «Здаецца, усё са мной...»), П. Панченко («Айчына мая, радасць мая...», «Герой»), А. Астрейко (в партизанской типографии в 1943 вышел его сборник «Служэцкі пояс»), М. Аврамчика (1920–2017), А. Бачилы (1918–1983), А. Белевича, В. Витки, А. Велюгина (1923–1994), К. Киреенко, М. Лужанина и др. Всё разнообразие чувств, переполнявших сердца людей в годы войны, и прежде всего чувство любви к родной, многострадальной Беларуси, отразила военная лирика белорусских поэтов.

Разнообразной была и жанровая картина белорусской военной поэзии — от боевого лозунга и лирического послания до сатирического фельетона. Ни одна белорусская газета не обходилась без сатиры, к которой охотно обращались Я. Колас, К. Крапива, А. Астрейко, П. Панченко, М. Танк, В. Тавлай. Особую роль в развитии сатиры играл К. Крапива как автор стихотворений («Фрыцавы трафеі», «Сон Гітлера», «Янка і Карла») и как редактор газеты-плаката «Раздавім фашысцкую гадзіну». При всех различиях тем, образов, жанров и стилей лирика, сатира и эпос были подчинены единой цели — разгромить врага, освободить родной край.

Ярким свидетельством художественной зрелости белорусской поэзии, её умения

передать мысли и чувства людей была **поэма**. Лирические переживания автора в белорусской военной поэме органично сочетались с эпическим отражением народной драмы и народного подвига. Психологию человека на войне, типичное поведение людей в типичных военных обстоятельствах проницательно раскрыл А. Кулешов в поэме «Сцяг брыгады» (1943). Поэтическая картина истории белорусского народа создана в поэме-монологе П. Бровки «Беларусь» (1943). Широкая эпичность, основанная на бытовой конкретике, характерна для поэмы Я. Коласа «Адплата» (1945). О борьбе партизан и подпольщиков Западной Беларуси рассказывает героико-романтическая поэма М. Танка «Янук Сяліба» (1943). Сложные психологические коллизии времён войны нашли отражение в поэме «Эдэм» (1944) З. Астапенко. Чувства человека, оказавшегося в годы войны далеко от матери-родины, воспевал П. Панченко в лирической поэме «Маладосць у паходзе» (1946) и патриотическом цикле «Іранскі дзённік» (1944–47). Белорусская поэма этого периода определяется глубоким лиризмом и стремлением к философско-психологическому осмыслению событий.

По горячим следам войны создавали свои **рассказы** белорусские прозаики. Большинство из них построено на документальной основе и приближается к очерку: «Бацька», «Аксеніны сляды», «Прасторны дом» К. Чорного; «Ірына», «Салют», «Васількі», «Астап» М. Лынькова; рассказы И. Гурского, В. Кравченко (1915–1961), А. Стаховича (1907–1956), А. Якимовича (1904–1979). Военный рассказ повествует о мужестве белорусских партизан, о страданиях женщин и детей. Его отличительные черты — напряжённость сюжета, драматизм конфликта, романтическая приподнятость, лаконизм стиля. В рассказах «Смерць», «Вялікае сэрца», «Заўтрашні дзень» К. Чорный стремится к глубокой психологической разработке и философско-историческому осмыслению поведения человека на войне. Тема белорусской истории, национального характера — одна из основных в творчестве этого прозаика, объединяет в своеобразную трилогию его романы «Пошукі будучыні» (1943, опубликован в 1950), «Млечны шлях» (1944, опубликован в 1954), «Вялікі дзень» (1941–44, опубликован в 1947, не окончен). В них поэтизируется человек-работник, своим трудом украшающий землю, осмысливается его философское отношение к природе, истории, войне и миру. В то же время раскрывается психология поведения собственника в мирных и военных условиях, обличается античеловеческая сущность фашизма с его глобальной программой геноцида. Военные романы К. Чорного, в которых олицетворяются философские размышления писателя над путями белорусского народа и всего человечества в «эпоху войн и революций» — заметное явление советской военной прозы. Попыткой отразить военные события стали повести «Скіп'ёўскі лес» (1944, опубликована в 1946, не окончена) К. Чорного, «Пульс жыцця» (1942) Ф. Шинклера, «Шумяць лясы» (1944) А. Стаховича, «Лясныя салдаты» (1945) И. Гурского, «Помста» (1945) И. Шамякина (1921–2004). Психологическую драму «Проба агнём» (1943) создал К. Крапива.

Творчество белорусских писателей послевоенного десятилетия было ориентировано на художественное познание исторических заслуг и героической роли белорусского народа в годы войны, полно высоких дум о народе-победителе. Это во многом

определило основной тип повествования и особенности образной системы **романов** «Векапомныя дні» (1948–58) М. Лынькова, «Мінскі напрамак» (1950–52) И. Мележа (1921–1976), «Глыбокая плынь» (1947–48) И. Шамякина, «Згуртаванасць» (1949–50) М. Ткачёва (1918–1979), «У агні» (1952) И. Гурского, «Расстаёмся ненадоўга» (1953–54) А. Кулаковского (1913–1986). Рассматривая героя со стороны его отношения к общенародному делу, создавая собирательный образ народа, писатели активно использовали эпические национальные традиции. В романе И. Мележа заметное место занял образ реального исторического героя — генерала И. Черняховского, в романе М. Лынькова — образы К. Заслонова и других партизанских предводителей. Стремясь к панорамности картин, к густой населённости героями, используя повышенную эмоциональность и торжественную приподнятость повествования, авторы в большинстве случаев оставляли без внимания психологический анализ чувств, мыслей и поступков участников войны. Многим из названных произведений не хватало и оригинальной художественно-философской концепции событий.

В эти же годы были созданы рассказы «Адзін дзень» Я. Брыля, «Такі кароткі водпуск» А. Кулаковского, «Першая атака» М. Лупсякова (1919–1972), ставшие предвестниками художественного обновления военной прозы. Тот же процесс приближения к правде жизни происходил и в поэзии. Горькие воспоминания и полные внутреннего драматизма размышления отразились в стихотворениях «Рэпатрыянты», «Трасцянец» М. Танка, «На полі бою», «Навагодняя ёлка» А. Кулешова, «Пад'язджаючы да Мінска», «Песня пра чатыры магілы», «На руінах» П. Панченко. Война напоминает о себе и в поэмах «Хлеб» (1946) П. Бровки, «Сям'я» (1946) А. Белевича. Художественное осмысление военных событий происходит в пьесах «Мілы чалавек» (1945), «З народам» (1948) К. Крапивы, «Канстанцін Заслонаў» (1948) А. Мовзона (1918–1977), «Брэсцкая крэпасць» (1952) К. Губаревича (1907–1987), «Гэта было ў Мінску» (1950) А. Кучера (1910–1996).

Новое веяние в белорусской литературе о войне с фашизмом появляется только в середине 1950-х гг., когда в связи с решениями XX съезда КПСС началось обновление общественной атмосферы в стране и самоутверждение человеческой личности, неповторимости её духовного мира. Для произведений этого периода характерны автобиографизм чувств и мыслей, что придавало им особую точность и художественную убедительность. Личные впечатления многократно усиливаются за счёт пережитого всем народом в лирике М. Танка («Дзе яны», «Стары мост», «З гільзы пустой...»), П. Бровки («Мёртвая вёска», «Вы чулі, як плачуць дрэвы?»), М. Лужанина («Апошняя куля»), А. Зарицкого [(1911–1987), «Мая бяссоніца»], С. Дергая [(1907–1980), «Акупацыя»], А. Пысина [(1920–1981), «Іван-чай», «Далёкі тупат кананады...», «Мінута маўчання»). Своё слово о пережитом сказали «дети войны» — поэты С. Гаврусёв (1931–1988), Н. Гилевич (1931–2016), Е. Лось (1929–1977), О. Лойко (1931–2008), А. Вертинский (1931–2008), М. Арочко (1930–2013), В. Короткевич (1930–1984), П. Макаль (1932–1996), Р. Бородулин (1935–2014), Г. Буравкин (1936–2014), Ю. Свирка (1933–2010), К. Цвирка (р. в 1934). Оживление памяти о героике и трагедиях войны, углубление гражданского сознания, лиризация

и драматизация жанров происходит в поэме [«Голас сэрца» (1960) П. Бровки, «Блакада» (1969) Р. Бородулина, «Сто вузлоў памяці» (1965) Н. Гилевича, «Мацярык маленства» (1969) В. Макаревича (1939–2017), «Штодзённы лістапад» (1960) С. Гаврусёва, «Навальнічны раён» (1969) Р. Тармолы (1936–2011)].

Настоящее художественное **возрождение в середине 1950-х гг. получила проза о войне**. В ней всё сильнее чувствуется стремление сказать всю правду о советском человеке на войне, глубоко раскрыть психологию его поведения, истоки народного подвига, отразить общечеловеческий смысл осуществлённого, показать настоящие масштабы народной трагедии. Это стремление усиливалось и за счёт обращения к классическим традициям в показе войны. С высоты прошедшего послевоенного десятилетия заново оценивают лично пережитое И. Шамякин в пенталогии «Трывожнае шчасце» (1957–65), Я. Брыль в романе «Птушкі і гнёзды» (1963), А. Карпюк (1924–2003) в повести «Данута» (1959), В. Быков (1924–2003) в повести «Жураўліны крык» (1960), А. Адамович (1927–1994) в романах «Вайна пад стрэхамі» (1960), «Сыны ідуць у бой» (1963), И. Наumenко (1925–2006) в трилогии «Сасна пры дарозе» (1962), «Вецер у соснах» (1967), «Сорак трэці» (1973). Эти произведения свидетельствовали о том, что литература о войне решительно избавлялась от прежних догматичных представлений, привычных схематизма и иллюстративности, что жанровое и стилевое разнообразие становилось эстетическим законом её развития и существования. Пенталогия И. Шамякина впечатлила читателя правдивостью интонаций и глубоко реалистичным видением войны. Богатый духовный мир белоруса, оказавшегося по воле злой судьбы в многонациональной толпе военнопленных в самом центре фашистской Германии, возобновлён в романе Я. Брыля. С чувством, что оплаченные дорогой ценой уроки войны понадобятся будущим поколениям, живут и борются юные подпольщики и партизаны А. Адамовича и И. Наumenко. Суровая, непредвзятая правда в показе войны, её наиболее драматичные ситуации, сосредоточенность на исследовании глубинных движений в человеческой душе, моральный максимализм, мужественные интонации привлекали внимание читателя к повестям В. Быкова «Здрада» (1961), «Трэцяя ракета» (1962), «Пастка» (1964), «Мёртвым не баліць» (1965), «Праклятая вышыня» (1968).

С середины 1960-х гг. наметился новый поворот в отношении белорусских писателей к событиям военной поры. С одной стороны, происходило постепенное накопление документального материала, которое продолжается [«Я з вогненнай вёскі...» (1975) А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника (1922–1994), документальные повести И. Новикова (1918–2001), «У вайны не жаночы твар...», «Апошнія сведкі» (1985) С. Алексиевич (р. в 1948), «Браніслава» (1985) С. Понизника (р. в 1942)], с другой — стремление к философско-концептуальному осмыслению лично виденного и пережитого, к решению на материале войны острых проблем современности. Народная правда о войне требовала комплексного подхода к предмету исследования, творческих усилий многих писателей по художественному освоению огромного материала, которым явились 1 418 дней войны с фашизмом. Героизм белорусского народа, оказавшегося в трагических условиях оккупации, его историческая драма,

когда решался вопрос о существовании целой нации, призывала к более серьёзному и углублённому образному исследованию проблемы «человек и война». Трагические стороны существования нации в условиях оккупации и геноцида раскрывали, каждый в соответствии со своим жизненным опытом и творческими возможностями, И. Пташников (1932–2016) в повестях «Тартак» (1968) и «Найдорф» (1975), Б. Саченко (1936–1995) в повести «Апошнія і першыя» (1966), А. Адамович в «Хатынскай аповесці» (1972) и «Карніках» (1980), Л. Арабей (1925–2015) в романах «Іскры ў папялішчы» (1969), «Сузор’е Вялікай Мядзведзіцы» (1980), А. Мартинович (1920–2009) в романах «Не шукай слядоў сваіх» (1979), «Груша на Голым Полі» (1985), В. Хомченко (1919–1992) в романе «Вяртанне ў агонь» (1978), И. Науменко в романе «Смутах белых начэй» (1979), И. Шамякин в повести «Гандлярка і паэт» (1976), А. Макаёнок (1920–1982) в пьесе «Трыбунал» (1970).

О драматической судьбе своего поколения рассказали белорусские писатели, чьё детство прошло в годы войны: М. Стрельцов (1937–1987), И. Чигринов (1934–1996), В. Короткевич, В. Козько (р. в 1940), В. Адамчик (1933–2001), Я. Сипаков (1936–2011), В. Павлов (1935–2020), В. Домашевич (1928–2014), П. Мисько (1931–2011). Один только день из жизни маленького мальчика вспоминает герой повести М. Стрельцова «Адзін лапаць, адзін чунь» (1970). День за днём, подробно и точно восстанавливает оккупационный быт того времени И. Чигринов в трилогии «Плач перапёлкі» (1970), «Апраўданне крыві» (1976), «Свае і чужынцы» (1983). Только отдельные, самые яркие и самые впечатляющие эпизоды времён войны выхватывает из прошлого память героев повестей В. Козько «Высакосны год» (1974), «Суд у Слабадзе» (1978). Но во всех этих произведениях содержатся уникальные свидетельства последних очевидцев самой страшной из войн. В лучших произведениях белорусских военных прозаиков стремление восстановить чёткую психологическую картину поведения человека и народа на войне сочетается со стремлением к философскому осмыслению проблем, волнующих человечество. В белорусской военной прозе последних лет рождается и укрепляется жанр документальной «народной книги», прообразом которой была книга «Я з вогненнай вёскі...», а также философско-фантастический жанр романа-«предупреждения» [«Катастрофа» (1984) Э. Скобелева (1935–2017); «Апошняя пастараль» (1987) А. Адамовича].

Целой эпохой в развитии белорусской и всей советской военной прозы стало **творчество В. Быкова**, писателя, неизменно верного военной теме, последовательного в своём наступлении на «бастион истины». Обращение писателя в конце 1960-х гг. к новому для него материалу партизанской и подпольной борьбы («Круглянскі мост», 1969; «Сотнікаў», 1970; «Абеліск», 1971) ознаменовало новый поворот всей белорусской прозы о Великой Отечественной войне в художественном осмыслении прошлого и настоящего. Этот материал давал литературе большой выбор драматических ситуаций, в которых во весь рост вставал человек на войне, сильнее проявлялся элемент трагического. «Знаки беды», которые расставила история на трудных дорогах народа в будущее, знаки предупреждения, которые не должны игнорировать нынешние поколения, писатель показывает и в других произведениях

«партизанского цикла» («Воўчая зграя», 1974; «Пайсці і не вярнуцца», 1978; «Знак бяды», 1982; «Кар’ер», 1986; «У тумане», 1987; «Аблава», 1989), в повестях из фронтовой жизни («Дажыць да світання», 1973; «Яго батальён», 1975). В этих произведениях Быков остаётся верным своей манере, узнаваемым, но в то же время и всегда новым, другим: не спеша, последовательно он разворачивает перед читателем новые и новые «фронтовые страницы» великой народной эпопеи героической трагедии, давая ему чрезвычайно редкую возможность внимательно вчитаться в немеркнущие строки о народном подвиге, осмыслить прошлое в контексте изменяющегося мира. Писатель уверенно ведёт читателя от бытовой поверхности военных событий в глубины нравственной и философской проблематики, скрывающиеся под этой поверхностью. Война в его произведениях изображается как своеобразная «лаборатория», в которой история ставила «эксперименты» на человечность человека, на его способность мужественно вынести все испытания, выжить в экстремальных условиях и победить врага, олицетворявшего всё низкое в человеческой природе и препятствовавшего движению человечества по пути прогресса. На важнейшие и острейшие вопросы современности, достоин ли человек лучшей доли, способен ли он подняться над собственными слабостями и ошибками, страстями и бесконечно растущими потребностями, В. Быков отвечает очень чётко и недвусмысленно: да, достоин! Да, способен! Отсюда и приверженность писателя к острым морально-этическим коллизиям, которых с лихвой подарила практика XX в., к тем самым «пограничным ситуациям», в которые ставит жизнь его героев, раскрывая каждый раз в них такие глубины, о существовании которых они и не подозревали, к целенаправленному исследованию всех важнейших этапов и поворотов человеческих чувств и мыслей, к поиску глубинных закономерностей человеческого бытия, к философски насыщенной проблематике. В творчестве В. Быкова современное человечество встречается с доселе неизвестным ему народом, с неповторимым историческим опытом этого народа, с национально-своеобразным взглядом на многие проблемы, волнующие сегодня людей Земли. Благодаря творчеству В. Быкова белорусская военная проза вызвала огромный интерес к ней со стороны мирового читателя и получила международное признание.

В белорусской литературе 1980–90-х гг. о Великой Отечественной войне наметился новый поворот в эстетическом осмыслении прошлого. Он проявился и в количественном пополнении рядов пишущих о войне (в Беларуси нет писателей, которые так или иначе не затрагивали бы в своём творчестве этой темы), и в качественных изменениях. Появились попытки нового прочтения поэтами уже известного материала [«Замошская рота» В. Павлова, «Поле» П. Макаля, «Балада Брэсцкай крэпасці» Р. Бородулина, «Іх апошняя воля» А. Вертинского, «Смага» В. Скоринкина (р. в 1939), «Мадонна» Ю. Свирки]. К теме войны обращаются поэты, прозаики, драматурги А. Рязанов (1947–2021), Е. Янищиц (1948–1988), Р. Боровикова (р. в 1947), Т. Бондарь (1945–2005), В. Каризна (1938–2026), А. Жигунов (р. в 1954), А. Дударев (1950–2023), А. Наварич (р. в 1960), В. Некляев (р. в 1946), многие из них родились после войны.

Новый поворот в эстетическом осмыслении событий Великой Отечественной войны

в 1980-х гг., по мнению Т. Богорадовой (р. в 1974), связан с присуждением в 1986 г. Ленинской премии В. Быкову за повесть «Знак бяды» (1982). Исследовательница отмечает, что книга стала «этапным событием для литературы СССР, после которой многие ветераны Великой Отечественной обратились к военной теме с новым ощущением внутренней свободы, с необходимостью раскрыть самые глубокие пласты своей памяти».

Вторым поводом для актуализации литературы военной тематики стал выход книги «У войны не женское лицо» (1985) С. Алексиевич, в которой собраны рассказы женщин, участвовавших в Великой Отечественной войне. Название книге дали начальные строки из романа белорусского писателя А. Адамовича «Вайна пад стрэхамі» (1960). Публикации книги предшествовало создание одноимённой серии семи документальных телефильмов (1981–84) по сценарию С. Алексиевич режиссёром В. Дашуком на киностудии «Беларусьфильм». Произведение вызвало большой резонанс и многочисленные дискуссии, что, несомненно, повлияло на интерес к этой теме со стороны писателей.

Однако прежде всего на появление новой волны военной прозы повлияли перестроечные события, которые дали литераторам возможность открыто говорить то, что раньше ограничивалось цензурой. Писатели-ветераны использовали шанс в условиях свободы слова обратиться и к собственному военному опыту, и к историческим событиям, которые предшествовали войне и были по-своему не менее трагичными. В 1980-х гг. к военной теме обратились авторы так называемой лейтенантской прозы, которые в условиях гласности получили возможность рассказать о наиболее трагических обстоятельствах военного лихолетья. Проза этого времени выделяется прежде всего автобиографизмом, натуралистическим описанием событий и предельной искренностью. В это время героями произведений военной тематики всё чаще становятся женщины [роман «Верасы» (1985) А. Савицкого (1924–2015), «Зеніт» (1987) И. Шамякина].

Весомым достоянием отечественной литературы во 2-й половине 1980-х гг. становится автобиографическая проза, которая не могла появиться на страницах печатных изданий в прежнее советское время. Это в первую очередь мемуары репрессированных белорусских авторов, которые были реабилитированы в 1960-е гг. [«Такія сінія снягі» (1988) С. Граховского, «Аповесць для сябе» (1987, 1988) Б. Микулича, «Яжовыя рукавіцы» (1989) П. Прудникова (1911–2000)].

Обращает на себя внимание тот факт, что именно на рубеже 1980-х и 1990-х гг. выходит много крупных произведений, посвящённых теме Великой Отечественной войны. Очевидно, что прошедшие несколько лет перестройки стали источником творческой инспирации для авторов всех возрастов, иногда переосмысления и новых возможностей для печати того, что было написано ранее. В это время выходят «Мая Галгофа» (1990) Я. Беганской (1908–1992), «Зона маўчання» (1990) и «3 воўчым білетам» (1991) С. Граховского, «Пекла» (1991) П. Прудникова, «Муштук і папка»

(1990) Я. Брыля, «Цыркачка і маёр» (1992), «Клетка для берасцянак» (1993) и «Выканаўца» (1994) А. Осипенко (1919–1994), «Палон» (1991) М. Аврамчика (1920–2017), «Нямко» (1993) А. Адамовича, «Засталіся толькі ўспаміны» (1992) Б. Саченко, «Обаль» (1989) А. Савицкого.

Казалось бы, сквозная тема войны в белорусской литературе должна была исчерпать себя в XXI в. Однако этого не произошло, и тому есть несколько причин. Первая связана с тем, что опыт, который получила нация в XX в. (потери Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, травматический опыт, полученный советскими воинами-интернационалистами на протяжении войны в Афганистане), оказался не просто важным для народа Беларуси, а во многом нациотворческим. Это хорошо показано в книге «Народ і вайна» (2015) М. Тычины (1943–2022), центром внимания в которой стала проблема отражения в памяти народа и в национальной литературе военных событий. Вторая связана с тем, что на смену писателям-ветеранам пришло поколение «детей войны», у которого была своя память, свой собственный опыт, полученный в годы фашистского нашествия. Это В. Гниломёдов (1937–2024), В. Козько, В. Яковенко (1936–2018) и др. Третья причина обращения — актуальность проблемы войны в наше время. Вполне естественно, что белорусские писатели пытаются комплексно решать проблемы современников, ставят задачи, решение которых выходит за пределы собственно национальной действительности, и активно участвуют в выработке этических и эстетических ценностей и приоритетов, необходимых в условиях глобальных геополитических вызовов.

Тема войны не отпускает белорусских писателей. Это обусловлено ещё и тем, что в последние 80 лет тема Великой Отечественной войны поднималась не только в литературе, но стала стержневой для национальной культуры, которая пронизана антивоенным пафосом и связана с общим ощущением войны как катастрофы, что до сих пор влияет на оценку современных событий. Как правильно отмечает Т. Богорадова в монографии «Памяць сэрца: эвалюцыя ўвасаблення ваеннай тэмы пісьменнікамі-ветэранамі і сведкамі Вялікай Айчыннай вайны ў беларускай апавесці (1980–1990-е гг.)» (2022): «Оценка потерь белорусов как нации в ходе войны, осмысленная в автобиографических повестях её ветеранов и очевидцев, оказалась чрезвычайно впечатляющей. С учётом этих потерь отрицательное отношение белоруса к любой агрессии реализовалось не только в правдивых сюжетах отечественных писателей, но и в пафосе осуждения войны как непоправимой трагедии, причём в масштабах не только определённой личности, генерации, нации, но и всего человеческого сообщества, понятого в философском плане». По её мнению, «однозначно отрицательное отношение типичного белоруса в XXI в. к военным конфликтам стала прочной меткой национального характера — прежде всего через травматический опыт 1940-х гг.». Это объясняет тот факт, что у современных читателей, включая и специалистов по литературе, вызывают интерес не только новые книги, но и переиздания авторов, которые ранее отметились произведениями о войне.

Так, некоторые критики связывали получение В. Козько премии имени Е. Гедройца

за книгу «Час збіраць косці» с тем, что он является автором повести «Суд у Слабадзе» (1978), за которую в 1982 г. получил Государственную премию БССР имени Якуба Коласа (1982). Военные события, показанные глазами подростка, стали — благодаря в т. ч. и популярности этой повести В. Козько — актуальным ракурсом при освещении военной темы в белорусской литературе 2000-х гг. В первую очередь это касается произведений автобиографического характера. Более широко объясняет это литературное явление М. Тычина, когда пишет в книге «Народ і вайна»: «К писателю пришла уверенность, что его личный жизненный опыт, опыт духовного познания мира является тем главным, первичным пунктом, от которого нужно отправляться в творческом поиске».

Воспоминания детской поры легли в основу масштабного романа В. Гниломёдова «Вайна» (2014), входящего в цикл семейно-бытовой хроники вместе с романами «Уліс з Прускі» (2006), «Расія» (2007), «Вяртанне» (2008), «Валошкі на мяжы» (2014), «Пасля вайны» (2015). Центральной для этого цикла романов, в сюжетную канву которых положена история семьи с Западного Полесья, является фигура Левона Кужеля, который пережил на протяжении жизни не одно лихолетье и имеет не только опыт выживания в трудные времена, но и умение лаконично и ёмко выражать мнение народа относительно событий, с которыми ему приходится сталкиваться. Роман написан в рамках прочной национальной литературной традиции, когда описанные события в целом соответствуют ходу развития истории 2-й половины 1940-х гг. Однако первые дни войны показываются писателем словно в замедленном режиме, а последние — динамично и более обобщённо. Так, 1945 год показан в романе «Вайна» через отрывки из писем Василя, сына Левона Кужеля, дошедшего до Германии, а победа отмечена лишь одним финальным предложением: «О победе узнали 11 мая».

Роман «Вайна» создавался в первые десятилетия нового века с учётом раскрытых новых исторических фактов, что значительно отразилось на его содержании. Это в принципе характерно для всей современной литературы, тематически связанной с событиями Великой Отечественной войны. Современные писатели отражают исторически обоснованные взгляды на причины войны, особенности её хода, оценки тех или иных военных операций и личностей. Но главное, что характерно для произведений настоящего времени, — это белорусоцентричность, когда описание и понимание катаклизмов военного лихолетья соответствует не только линии государственной политики СССР, но и собственно белорусской истории. Небольшая деревня Пруска, изображённая в романах В. Гниломёдова в разные времена своего существования, вызывает интерес как архетипический белорусский топос, а взгляды, ощущения и надежды её жителей выглядят типичными для жителей Беларуси. Так, значительная часть романа посвящена тому, как относятся крестьяне к обещанию немецких оккупантов раздать землю тем, кто в ней нуждается. Таким образом, роман «Вайна» стал ещё одной попыткой осмыслить жажду белоруса к земле и воле.

Национальный характер в романе выявляется при сравнении образов белорусов с образами представителей других национальностей, в первую очередь русских

и немцев. И если параллель с первыми свидетельствует о близости менталитетов, то сопоставление со вторыми — скорее об их противоположности. Именно этот контраст помогает не только лучше понять белорусского крестьянина, но и поучиться у него тому, как вести себя в условиях военных испытаний: «Оккупационный режим требовал беспрекословного исполнения своих решений, и у населения не было ни малейшей возможности хоть как-то противостоять оккупационным властям, не поддаваться, отстаивать свои права. Левон решил для себя, что жить в этой ситуации стоит так, чтобы не привлекать к себе чужого внимания, не заводить лишних знакомств и во всех случаях держаться подальше и от немцев, и от тех, кто им служит, и от разных случайных людей». Вместе с тем жестокость военного времени В. Гниломёдов связывает не с национальным характером немцев, а с фашизмом, что подчёркивается во многих эпизодах, сюжетно связанных с фигурой Левона Кужеля, который, очевидно, является для автора и альтер эго самого писателя, и выразителем национального мировоззрения:

«— Жестоко ведёт себя человек, — вздохнул Левон. — Он сам по себе жестокий, по природе своей, а тут ещё война подогревает...

— Это, дядька, фашизм.

— Фашизм».

Безусловно, ценность романа В. Гниломёдова и в автобиографическом материале, который был использован автором, и в показе рождения партизанского движения в Западной Беларуси, но прежде всего произведение интересно современникам теми бытийно-философскими выводами, которыми делится писатель и которые касаются не только конкретно-исторического отрезка времени. На примере образа Левона Кужеля как носителя идеалов и народной морали хорошо прослеживается то, как реализуется в тексте произведения его воспитательно-аксиологическая функция. Между тем аксиологический потенциал несут и авторские ремарки, не вложенные писателем в уста главного героя: «Война есть война, она требует от человека напряжения всех сил, душевных и физических. Тут очень важно на что-то опереться — на верного товарища, на чувство человеческого единства в трудной ситуации. Это чувствовали все».

Очень близка, по многим параметрам, к циклу романов В. Гниломёдова трилогия В. Яковенко «Пакутны век» (2006). Литературовед О. Лойко в предисловии ко второму изданию определил это произведение как «всебелорусское», обозначив его как «эпопею национальной истории, довоенного времени, 1939 года, Второй мировой войны, послевоенных событий и характеров». Временной охват произведений примерно такой же, как и в пенталогии В. Гниломёдова — от эвакуации после Первой мировой войны до событий послевоенного времени. Однако в основу романа положена не история семьи автора, а история семьи Марии Демкович, белоруски из Мотоля, которую писатель встретил в США во время посещения страны в 1990-х гг. Первый

роман вышел в 2003 г. Позже повествование об этой полесской семье расширилось и было издано как трилогия «Пакутны век». Второе переиздание книги в 2010 г. пополнилось новыми разделами. Судьба семьи Романовичей, составившей одну из сюжетных линий произведения, дала автору возможность поразмышлять над характером полешуков и запечатлеть особенности их быта. На страницах произведения много известных исторических личностей — Борис Кит, Роман Скирмунт, Радослав Островский и др. В целом произведение отличается от эпосов В. Гниломёдова бóльшим охватом персонажей, своеобразием авторского взгляда на те или иные события истории и является произведением в большой степени публицистическим. Преимуществом обоих произведений является то, что они написаны на биографическом материале, поэтому события, описанные в них, выглядят реалистично, а действия героев психологически мотивированы.

Одной из особенностей произведений, написанных на рубеже веков, стала определённая подгонка под факты, которые белорусы накануне Великой Отечественной войны знать не могли. Так, на страницах некоторых из них появляются провидцы, возвещающие о войне с фашистами, хотя и не сильно сведущие в политических реалиях. Такое можно наблюдать, например, в повести «Помні Сталінград» (2000) И. Науменко. Главный герой произведения Иван Дрозд — обычный деревенский парень, авторитет которого в деревне, по словам писателя, держится на том, что «Иван никого не обижает, хорошо играет в волейбол, и в его доме обычно собираются парни, потому что он здесь полный хозяин». Поэтому довольно трудно понять, почему сразу после такой характеристики возникает сообщение: «Среди десятиклассников Иван оказался пророком. Потому что лишь один он считал, что с Германией начнётся война». Главный герой прошёл войну «от и до», участвовал в освобождении Сталинграда, был ранен, встретил на фронте свою первую любовь. Однако возникает впечатление, что произведение написано даже не с чужих слов, а повторяет какие-то клише, чего не было, например, в так называемой лейтенантской прозе с её психологизмом и акцентированностью на проблеме выбора. В повести практически отсутствуют детали, заменяемые описаниями типа: «Ужасная картина! Крик, вопли. Каждый спасается как может». Интересно, что в «Помні Сталінград», как и во многих других произведениях, написанных в более позднее время, а не непосредственно после войны, начало повести ещё имеет какие-то более-менее художественные сцены, но ближе к концу они исчезают, меняясь простой констатацией: «Армия просто выталкивает немцев. Вот и Брянск освобождён. Наши войска занимают Прилуки, Ромны, Пиратин, Лубны. Но Иван Дрозд недоволен таким ходом событий. Нужно делать немцам то, что они делали нам в сорок первом». Этот момент сложно истолковать, кроме как тем, что первые дни войны оставили в памяти людей, рождённых в середине 1920-х гг., незабываемый, ни с чем не сравнимый след.

То, чего не хватает читателю в «Помні Сталінград» — запоминающихся деталей и ярких образов, — хорошо представлено в «Перажыўшы вайну: аповесць у абразках памяці» (1988, 2013) Н. Гилевича, которая читается как поистине художественное, глубокое произведение, где есть место и воспоминаниям, и рассуждениям,

и самобытным образам. При этом автор не просто упоминает своё прошлое, а стремится отвечать на острые вопросы, возникшие у читателей другого возраста в связи с публикациями, появившимися в конце XX в. Так, Н. Гилевич расставляет точки над «i» в попытках принизить партизанское движение в Беларуси. Форма прозаических миниатюр (а именно из них состоит повесть) оказалась очень подходящей для серьёзного разговора о войне, так как миниатюра обычно воспринимается писателями как жанр лирический, к тому же «малоформатчики» (по выражению Я. Брыля, одного из родоначальников этого жанра) в белорусской литературе редко брались за линейное изложение событий, тем более событий трагической окраски. «Перажыўшы вайну» — произведение трагическое от первой до последней страницы. Даже последние слова повести не придают читателю оптимизма: «И будет так всю жизнь. Сколько раз в высокую светлую радость, переполняющую всю твою душу, будет врываться чудовищность, чтобы эту радость очернить и осквернить. В зрелом возрасте такое вторжение воспринимается спокойнее, с пониманием — “жизнь, она, брат, такая”, а в молодости... а в молодости это ранит душу очень больно и надолго».

Поиск формы как необходимость донести правду о войне для более молодого поколения, которое не претерпело бремени войны, пошёл на пользу литературе. Многие современные произведения написаны в жанре нон-фикшн (нехудожественная литература), который стал популярным уже в XXI в., но был хорошо известен читателю по таким произведениям, как «Блокадная книга» А. Адамовича [совместно с Д. Граниным (1949–2017)], «Я з вогненнай вёскі» А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника. В 2015 г. к 40-летию начала работы над «Блокадной книгой» (апрель 1975) вышло издание на русском языке, где впервые в Беларуси изложена история её создания. В интервью А. Адамовича «3 чаго пайшла, пачыналася “Блакадная кніга”» рассказывается о моменте и обстоятельствах возникновения самого замысла книги и о процессе её создания. В книге также публикуются тексты из блокнотов А. Адамовича 1975–91 гг. (за исключением записей 1986, которые посвящены чернобыльской катастрофе). Половина записных книжек первых лет работы — адреса, телефоны блокадников, их рассказы. Позже они вошли полностью либо фрагментарно в текст книги. На страницах блокнотов — образы людей, их характеры, внешность, иногда их отношение к собственным воспоминаниям, что не менее ценно для истории. В записках с 1975 по 1981 г. — история работы: знакомство с темой блокады, осмысление материала, изучение проблемы голода (на основании книги К. Гамсуна «Голод»), потом — «Идея и план книги», отзывы читателей-блокадников, работа над второй частью книги. Одним из вопросов, на который А. Адамович искал ответ, стал вопрос: за счёт чего человек выживает? Тексты в блокнотах к «Блокадной книге» соседствуют с записями, которые посвящены его «Карнікам». Записные книжки 1981–83 гг. хранят другую информацию: авторскую оценку блокады, блокадников, самого города, ленинградской культуры, памяти. В 1983 г. писатель пытается разобраться в определении жанра книги. Жанр он определяет поэтически — то «жизнь, о себе повествующая», то «многоголосое самоисследование». В записях за 1984–91 гг. писатель вновь возвращается мысленно к блокадному Ленинграду

и работе над книгой. Интервью А. Адамовича и тексты из его блокнотов — это не только летопись создания книги, но в первую очередь самобытное, яркое философско-художественное произведение, написанное в жанре нон-фикшн, которое, безусловно, стало образцом для следующего поколения белорусских писателей. Однако и традиционное для отечественной литературы линейное письмо реалистического направления прекрасно справляется со своей задачей, если в основу повествовательной канвы положены впечатления, лично пережитые автором или его респондентом, имевшим опыт военного времени.

Опыт войны, увиденной глазами детей и подростков, либо осмысленный ими через рассказы родных и близких, положен в основу произведений, составивших серию «Дзеці вайны», основанную издательством «Четыре четверти».

В серии много книг, адресованных читателям младшего возраста, включая те, в которых рассказывается о жизни белорусских детей во время оккупации. Среди них много поэтических [«Параненая памяць: апавяданні, вершы, эсэ» (2015) А. Зекова (р. в 1955), «Курганны звон: вершы, балады і паэмы» (2014) Казимира Камейшы (р. в 1943), «На плошчы памяці маёй: вершы, паэмы, балады» (2014) М. Чернявского (р. в 1943), «Нашчадкам: апавяданні, вершы» (2015) Ф. Шкирманкова (1926–2021)]. Сборник «Няма даравання вайне» (2014) Нины Галиновской (1935–2025) состоит из стихотворений и поэмы «Пра дзяўчынку Галінку», носящей автобиографический характер. Поэма, посвящённая памяти родителей и девушек-односельчанок, представляет яркий ряд картин детства, написанных с теплотой и благодарностью близким. Произведение выделяется очень живым поэтическим языком, который должен хорошо восприниматься школьниками младшего возраста. В книге В. Гурского (1922–2015) «Цяжкая дарога» (2010) также описываются события войны на территории Беларуси, которая кровавым крылом обожгла судьбы не только взрослых, но и детей. Автор, который сам был партизаном отряда имени Чапаева одноимённой бригады, в своих документальных очерках описывает, как белорусские мальчики и девочки помогали родителям воевать с оккупантами, добывая сведения для народных мстителей, участвовали в боевых операциях. В основу рассказов, эссе и повести из книги «Хлеб для партизанаў» (2015) М. Позднякова (р. в 1951) положены воспоминания родителей писателя — непосредственных её участников, а также упоминания старших братьев и сестёр — детей самой кровавой и ужасной войны, которые и являются главными героями произведений этой книги. Документы и воспоминания очевидцев легли в основу книг «Выжыць на дарозе смерці» (2015) З. Дудюк (р. в 1950) и «Васілёк» (2015) И. Ярошевича (1945–2019), рассказывающих об испытаниях, которые выпали на долю детей и подростков в годы оккупации.

В серию «Дзеці вайны» вошло много книг, написанных на документальной основе, в т. ч. мемуаров. Так, книга «Абпаленая маладосць: дакументальная аповесць» (2015) Т. Майстренко (р. 1950), посвящена памяти отца, минчанина Анисима Петербуржцева. Автор проходит его жизненный путь (с 1939 по 1945), типичный для людей того поколения. На страницах повести — судьбы родных отца и истории тех, кто боролся

с ним рядом. Источником для создания книги стали мемуары Анисима Петербуржцева, а также документы из музеев Смоленска и Смоленской области. На основании воспоминаний написана повесть «Валанцёр свободы», которая вместе с рассказами вошла в книгу «Партизанская мадонна» (2015) Л. Леоновича (1938–2021). Повесть рассказывает о жизни белоруса, который в молодые годы уехал из Западной Беларуси в Аргентину, где вступил в Коммунистическую партию, затем воевал с фашистами в Испании, активно участвовал в движении Сопротивления Франции, а через 17 лет вернулся на родину. Герои рассказов — ветераны войны и современники, детство которых было обожжено Великой Отечественной войной. Серия «Дзеці вайны» стала настоящим вкладом в дело воспитания молодого поколения.

Среди книг, тематически связанных с Великой Отечественной войной, следует отметить и те, которые не имеют целью описание событий военной поры, но косвенно затрагивают тот период как судьбоносный для их героев. Так, жизнь главной героини романа «Любачка» (2013) А. Аферовского (р. в 1937) была предрешена тем, что мать, деревенская учительница немецкого языка, родила её от фашистского офицера, чтобы спасти трёх маленьких сынишек. Однако в целом — это роман о жизни и любви молодой девушки, которая подростком ушла из родительского дома, оставив записку: «Мама, я тебя и моих братиков очень люблю, но не хочу быть чужой среди своих. Не ищи меня, ведь всё равно не найдёшь, тем более что я никому не нужна. Домой никогда не вернусь, уверена, что как-то выживу. Ваша Л.». Непринятие её окружением связано с обстоятельствами рождения. Тем не менее это не повлияло на характер героини, она осталась добрым и отзывчивым человеком, нашла свою любовь и счастье.

Повесть «Па што ідзе, воўча?» (2022) Е. Вежновец (р. в 1972) — история белоруски, вернувшейся из зарубежья в Беларусь. Рина — человек своеобразный, который выделяется едва ли не в первую очередь отсутствием эмпатии, что, по мнению автора, связано не в малой степени с тем, что кровопролитные войны XX в. лишили здешних женщин социального оптимизма и приучили к осторожности. События Великой Отечественной войны представлены устами деревенской целительницы Дорофеи, чей жизненный и женский опыт такой же трагический, как и внучки: «За каждого убитого немца взяли трёх невинных. И дома сожгли перед зимой. Так оно и повелось. Болото и то горело у нас под ногами. Как ни весна, март — немцы блокаду начинают. В 1942, 1943 — блокада! В 1944 — блокада! Мы уже и убежать не могли, еле ползали по тому болоту. Голодные, оборванные. Сколько детей утопилось, сколько стариков! А с сорок третьего немцы стали ещё и бомбить, и танки пускать. Вот так, моя детка. Партизан было сотни и тысячи. Только в лесу можно было выжить мужику. А мы, бабы, старики и дети, для всех были кормная скотина». Через трагедию, прошедшую через всю жизнь белорусов в XX в., автор стремится показать национальный характер современников, которые ненавидят войну почти генетически. Автор обозначила жанр своей повести как «болотная сказка».

Война затронула и видоизменила судьбы героинь остропсихологического романа Ю. Шаровой (р. в 1979) «Вяртанне Ліліт» (2018). Одна из линий этого многосюжетного

фантастического произведения посвящена Лилит, посланной в мир людей, чтобы научить «дочерей Евы подавать руку друг другу». В одном из своих рождений она живёт в охваченном войной городе Минске. В минском гетто героиня спасает, а после и становится матерью для шестилетней Мириам, дочери своей подруги Нехамы Сагалович, вся семья которой погибает от рук гитлеровцев. Роман написан в жанре мениппеи (вид серьёзно-смехового жанра), но страницы, посвящённые военному отрезку времени, написаны в трагическом ключе.

В литературе ХХI в. о событиях Великой Отечественной войны белорусские писатели смещают фокус с показа героизма в сторону трагического освещения, направляя свой взор на обычного белоруса, не военного. Отличительными чертами произведений становятся углублённый психологизм, автобиографическое начало, использование документов, в т. ч. мемуаров и воспоминаний свидетелей военных событий. Литература по-прежнему использует линейное реалистическое письмо, но большую долю текстов составляют произведения нон-фикшн. Тема минувшей войны как судьбоносного фактора возникает и в литературно-художественных произведениях, относящихся к так называемому магическому реализму.